Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Арон Гуревич

Избранное

Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2017

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4
Г 95

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденко,
В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов,
Г.И. Зверева, В.К. Кантор, А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков,
М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина, Ю.С. Пивоваров,
И.И. Ремезова, А.К.Сорокин, П.В. Соснов

Редактор: П.М. Аркадьев

Серийное оформление: П.П. Ефремов

Гуревич А.Я.

Г 95 Избранное. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 464 с. (Серия «Humanitas»).

ISBN 978-5-98712-762-9

А.Я. Гуревич (1924–2006) – выдающийся отечественный историк-медиевист, культуролог, основатель исторической антропологии в России. Круг его интересов чрезвычайно широк: социальная история Норвегии, народная культура Средневековья, древнеисландская и древненорвежская культура, проблемы методологии современной историографии. Все темы его исследований взаимосвязаны и образуют удивительную целостность.

Отобранные для данного сборника статьи в определенном смысле суть спутники, в той или иной степени втянутые в орбиту более крупных исследований – тех научных монографий, которые были созданы А.Я. Гуревичем.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-98712-762-9

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2017
© Е.А. Гуревич, правообладатель, 2017
© Центр гуманитарных инициатив, 2017

История и психология

Ситуация в отношениях между историей и психологией предельно сложна, во всяком случае если их рассматривать с точки зрения историка. С одной стороны, его поползновения рассуждать о психологии и тем более использовать ее методы могут выглядеть недопустимо смелыми. Для этого нужны специальные знания, которыми историк, как правило, заведомо не обладает, и методы психологического исследования истории, которые психологи едва ли могут ему предложить. Но, с другой стороны, историки давно уже практически вторглись в домены психологии и хозяйничают в них, невзирая на свою профессиональную неподготовленность к такого рода экспансии. Ибо наиболее продуктивное и перспективное направление современного исторического знания ориентировано именно на психологию.

Вот причина, побудившая меня с благодарностью принять приглашение редакционной коллегии «Психологического журнала» выступить на его страницах. Я не буду «наводить мосты» между нашими столь разными дисциплинами. В мои намерения входит лишь посильная демонстрация тех аспектов исторической науки, которые могли бы представитъ интерес для психологов.

Что же произошло в профессии историков такого, что повернуло их лицом к психологии?

Хорошо известно, что на протяжении длительного времени историки, и не одни только отечественные, концентрировали свое преимущественное внимание на социально-экономических и политических аспектах истории. Марксизм именно таким образом определял задачи нашей науки. Раскрытие «базисных» форм (производства и распределения и обусловленной ими социальной структуры) должно было дать ключ к объяснению исторического процесса в целом, а в качестве его решающего двигателя признавалась политическая борьба, в основе которой усматривали борьбу классов. Развитие социально-экономиче-

ской истории несомненно принесло свои положительные плоды, но в конце концов породило новые трудности и даже завело нашу профессию в тупик. Заслуживает внимания тот факт, что школы социально-экономической истории, занимавшие столь сильные позиции в первой половине XX столетия, примерно в 60-е годы прекратили свое существование и у нас, и за рубежом.

Внешне этот кризис выразился в том, что произошла смена поколений историков, а новые люди обратились к новым проблемам. Но и те ученые, которые до того занимались экономической историей, стали переходить к иным сюжетам. Ибо внутренние основания кризиса лежали намного глубже. Социально-экономическое объяснение хода истории перестало удовлетворять серьезных историков. Постепенно сделалось ясным, что такого рода объяснительные модели механистичны и не отвечают коренной специфике науки истории. В чем же заключается эта специфика? Здесь придется остановиться на проблемах методологии и гносеологии.

Советские философы потратили немало сил на борьбу с неокантианской методологией в области истории, упустив из виду решающее обстоятельство, а именно то, что Виндельбанд, Риккерт, Макс Вебер теоретически продемонстрировали особенности исторического познания и методов наук о человеке. Они утверждали, во-первых, что в противоположность «номотетическому» («законополагающему») методу наук о природе, направленному на открытие законов, науки о культуре работают при посредстве метода «идиографического»: они ориентированы не на формулирование законов общественного развития (как учит марксизм), но на выявление особенного, индивидуального, неповторимого в истории [6, 26, 27]. Во-вторых, науки о культуре, по их мнению, в принципе не могут быть свободны от ценностного подхода; выбор тем исследования и способ их рассмотрения в конечном счете связаны с системой ценностей исследователя. В-третьих, историк неизбежно строит модель исторической действительности и с помощью этой модели – «идеального типа» – исследует материал, проверяя, модифицируя или даже отбрасывая свою предварительную «исследовательскую утопию». При этом необходимо подчеркнуть, что веберовские «идеальные типы» не имеют ничего общего с общественно-экономическими формациями, последние принимались марксизмом за реально существующие исторические образования. И историки-марксисты видели свою задачу в том, чтобы иллюстрировать учение о формациях, тог-

да как «идеальный тип» есть не более чем средство научного познания.

Вслед за марксистской философией советская историография остается глухой к этим принципам, а потому и переживаемый ею (по многим другим причинам, которые слишком очевидны, чтобы на них здесь останавливаться) кризис оказался таким глубоким и длительным. По сути дела, эта историография в значительной мере разделяет гносеологические положения позитивизма.

* * *

Между тем в западной историографии уже в период между обеими мировыми войнами сложился новый подход к изучению истории. Далекие от немецкой философии французские историки Марк Блок и Люсьен Февр эмпирически подошли, по существу, к тем же принципам, которые были до них сформулированы неокантианцами [5, 29]. Эти основатели Школы «Анналов» утверждали, что историк начинает исследование не со сбора материала (как воображали традиционные историки позитивистского толка, чуть ли не гордившиеся своей полной зависимостью от «текстов» и воображавшие, будто они полностью свободны от современности и поэтому способны «возродить» прошлое, «как оно было на самом деле»), а с формулировки проблемы. Последняя же диктуется современностью историка; именно исходя из глубинных потребностей современности историк и обращается к прошлому. Сознание связи современности с историей образует, с точки зрения Февра, Блока и их нынешних продолжателей, основу и существо исторического «ремесла». Устами историка общество вопрошает прошлое о проблемах, которые его (общество) волнуют. В своих терминах эти историки выразили, по сути дела, риккертовскую идею «отнесения к ценностям».

Проблема, поставленная историком, определяет выбор источников, которые он исследует. Более того, он не крохоборствует, собирая в свою копилку все, что осталось от прошлого, – он «создает» свой источник. Выбрав для анализа определенный памятник прошлого, историк расчленяет его и перестраивает в свете своей проблемы. Лишь в лаборатории историка этот памятник прошлого становится источником необходимой информации.

Первое, с чем сталкивается историк при изучении источника, – это сознание его творца. Ибо его взгляды на мир

неизбежно налагают неизгладимый отпечаток на текст памятника. Следовательно, памятник никогда не может быть «прозрачен», это не «окно, открытое в прошлое», а сложно преломляющая призма. Обращение с памятником требует от историка немалых усилий по расшифровке строя мыслей, воззрений и умственных навыков его создателя и его социальной среды. Уже на этой стадии исследования историк вплотную сталкивается с психикой Другого – человека иной эпохи. То, с чем встречается в историческом источнике современный исследователь, – не вещи, явления и события, а представления о них определенных людей, их образы, переработанные ими в соответствии с правилами их культуры. Поэтому речь идет не только и даже не столько о выяснении идеологических установок автора изучаемого текста, но о несравненно более трудоемкой процедуре постижения ментального универсума людей, сформированных иной культурой, потаенных установок их сознания, возможно, ими самими не осознанных и не прорефлектированных. Соответственно исторический источник должен быть «демистифицирован» [55].

Таким образом, по-новому был осмыслен вопрос об отношении познающего субъекта к познаваемому предмету исследования (т.е. центральный вопрос всей кантианской и неокантианской методологии), – это отношение оказывается в высшей степени активным и творческим. Ибо историческое исследование не «отражает» исторической действительности – оно ее реконструирует в свете современного видения мира. Иначе чем при посредстве анализа психических механизмов людей изучаемой эпохи приблизиться к ее постижению невозможно. Это средостение, незримо отделяющее историка от предмета изучения, игнорировала традиционная историческая наука. В результате люди далеких эпох казались ей обманчиво понятными – ведь им приписывался взгляд на мир, присущий современному человеку.

Новаая постановка вопроса глубоко историзировала науки о человеке. На смену презумпции, согласно которой люди любых эпох мыслили и чувствовали точно так же, как мыслит и чувствует изучающий их историк, пришла совершенно противоположная презумпция, а именно: человек иной эпохи и иной культуры есть психологическая загадка, нужно выяснить, не было ли его миропонимание иным, нежели наше. Первая презумпция опиралась на пресловутый «здравый смысл» и открывала широкие возможности для модернизации истории, не требуя от историков особых умственных усилий. Презумпция

же «инаковости» представляет собой не абстрактный постулат, а вывод, который напрашивается из анализа поведения людей прошлого, присущих им способов восприятия и осмысления действительности, из изучения и «инвентаризации» категорий их культуры [11].

Историк вступает с людьми прошлого в своего рода «диалог» (это понятие в применении к истории культуры введено М.М. Бахтиным), и едва ли такого рода «диалог» нужно понимать только метафорически.

Исторический источник при условии задавания ему, т.е. его создателю, правильных вопросов, обнаруживает свою неисчерпаемость, способность раскрывать все новые аспекты прошлого. При его посредстве люди иной эпохи нарушают молчание, и историк способен расслышать их речи. История – не наука, изучающая мертвые тексты или обветшавшие вещи, это, говоря словами Блока и Февра, «наука о человеке», человеке в обществе, в группе, человеке во времени. Понятие диалога указывает на то, что во взаимодействие вступают два рода психики – психика современного человека с психикой человека прошлого.

Такова первая из характерных черт нового подхода к истории. Но есть и вторая – основополагающая – его черта, которая опять-таки непосредственно обращает историка к проблемам психологии.

Реконструируя жизнь прошлого, историк неизбежно применяет систему понятий, свойственных его собственной культуре. Категории «общество», «социальная группа», «культура», «производство», «собственность», «труд», «государство» и т.п. – это неотъемлемые компоненты современной науки, категории сознания Нового времени. Точно так же мы применяем к прошлому понятия «время», «пространство», «личность», «религия», «право», «свобода» и многие другие. До сравнительно недавнего времени правомерность такого рода процедур не внушала историкам ни малейшего сомнения. Мы не можем не налагать эту «сетку координат» на историческую действительность, организуя ее в соответствии со схемами нашего сознания.

Историки Школы «Анналов» заставили нас взглянуть на проблему под иным углом зрения. Сомнение внушает не сам по себе подобный подход, а его достаточность. И в дальнейшем историк будет пользоваться собственной понятийной матрицей. Но возник вопрос: осмыслялись ли все подобные понятия и категории людьми прошлого точно так же, как ныне? Достаточно было задаться этим вопросом, как перед историками открылось

новое необъятное поле для исследования. Ибо немедленно стало ясным, что в разных обществах и в различные эпохи время и труд, личность и государство, свобода и вера имели неодинаковый смысл, что их содержание менялось в зависимости от структуры общества и структуры мировосприятия.

То «отнесение к ценностям», о котором писал Риккерт, происходит в историческом исследовании дважды и двояким образом. Во-первых, исследователь применяет свойственную ему понятийную схему, диктуемую языком его собственной культуры. Он налагает эту схему на материал источников и в соответствии с ней организует и осмысляет его. Эта процедура в принципе не отличает историческое исследование от естественно-научного; мысль ученого направлена на внешний объект и расчленяет его по заданным ей правилам. Такое сходство служило препятствием для понимания глубокого, принципиального различия между методом science и методом humanities. Во-вторых, историк теперь оказывается перед новым вопросом: каким образом осознавали все эти категории сами люди изучаемой эпохи? Выясняется, что, например, в Средние века они по-своему воспринимали время [5] и пространство [21], а равно и причинно-следственные связи [31, 36], особым образом осмысляли социальный строй [45] и производственную деятельность, причудливо объединяя миф и ремесло [30], что обмен имел у них (как и в архаических обществах) наряду с материальными функциями также и символические [9, 44], что они особым образом, не так, как ныне, представляли детство и ребенка [32] и что личность в ту эпоху обладала специфическим самосознанием [46]. Я ссылаюсь на наблюдения над историей европейского Средневековья, потому что именно эта эпоха в первую очередь послужила своего рода «испытательным полигоном» для обоснования новых проблем и для проверки новых методов исторического исследования.

Перед историком возникает необходимость каким-то образом сочетать два разных подхода. Один – «извне», когда общество прошлого рассматривается с позиций внешнего наблюдателя, прилагающего к материалу источников критерии и понятия современности. Другой подход – «изнутри», связанный с проникновением во внутренний мир людей изучаемой эпохи, подход, при котором изучается их собственный взгляд на самих себя, на свой социальный мир и природное окружение. Оба подхода совершенно различны, но только их сопоставление открывает возможность увидеть общество и культуру прошлого исторически верно и «стереоскопично». Лишь применение